

К выбору текстов для исследования идеологии.

Блюхер Ф.Н.

Институт философии РАН, МГППУ, Москва

Гурко С.Л.

Институт философии РАН, МГППУ, Москва

1. Исследователь идеологии сталкивается в начале работы с определенным парадоксом отбора материала. Любой текст в той или иной мере идеологичен, рассматриваем ли мы как текст, к примеру, литературное произведение, кинофильм или монументальную скульптуру. Но, приступая к анализу подобного текста, мы невольно попадаем в «герменевтический круг», поскольку анализируем идеологию с точки зрения уже имеющихся идеологий. Частично именно поэтому наши «идеологические» споры столь безрезультатны, участники данных споров, не без оснований, подозревают друг друга в «необъективности» и предвзятости. Поэтому для начала целесообразно отказаться от анализа любых материалов, «текстуализация» которых может осуществляться различными способами, а, следовательно, зависит от промежуточной субъективной интерпретации, вроде уже упомянутых кинофильма и монументальной скульптуры, и ограничиться собственно писаными текстами.
2. Однако из анализа должны быть исключены художественные тексты. Основная функция идеологии – создание шаблонов с целью коммуникативной стратификации общества: «Свои» / «чужие», «современные» / «отсталые», «друзья» / «враги» и т.п. Разумеется, в качестве идеологических шаблонов могут быть использованы и художественные тексты, но основной адресат художественного текста - читатель и, ради того, чтобы текст был им прочитан, автор склонен использовать любые средства, задаваемые логикой произведения. То есть, идеологический пласт в художественном произведении часто используется инструментально, входит в качестве компоненты в состав художественной конструкции, выступая, следовательно, в несобственном значении, например, играя роль эмблемы (места, времени, социальной группы и т.д.).
3. С другой стороны, нежелательны для анализа и тексты, которые в той или иной мере могут быть охарактеризованы как «научные». Подобно тому, как художественные тексты, если и прибегают к «доказательности» как приему, в действительности же черпают свою убедительность скорее из выразительности применяемых средств, тексты научного типа используют образность лишь как вспомогательное средство. Поэтому если и допустимо искать в этой побочной стилистической составляющей указания на идеологическую компоненту научного дискурса, вычленение ее затрудняется тем же несобственным характером функционирования идеологем.
4. Вероятно, более естественной средой функционирования идеологического дискурса должны оказаться тексты по жанру равноудаленные и от «художественности» и от «научности». В этом качестве могла бы выступать публицистика (прежде всего — политическая) или речи политиков. Первые, однако, тяготеют к художественности, а, следовательно, к ним, хотя бы отчасти, применимы высказанные выше соображения о литературных текстах, вторые же демонстрируют использование идеологии в искусственно облегченных условиях монолога, в лучшем случае содержащего неявные отсылки к конкурирующим идеологическим построениям, представленным в заведомо ослабленном, проигрышном виде.
5. Тогда наиболее явно идеологичность текстов будет представлена там, где есть подлинный конфликт, или, по меньшей мере, формальная состязательность. На наш взгляд именно тексты, порождаемые в судебной практике, вынужденно облачаются в максимально идеологизированные одежды: форма «доказательства» используется для порождения запоминающихся образов, а «образность», в свою очередь, служит построению доказательств. Кроме того, серьезность ставок и реальность оппонента в

судебном состязании не позволяют дискурсу уклониться ни в сторону беспристрастной «научности», ни в сторону безответственной «художественности». Можно сказать, что идеология - это «место войны» в тексте. Это замечательное свойство судебного дискурса делает его идеальным лабораторным материалом для анализа идеологий.